

«Чиновничья клика пришла в страшное уныние...»

Как Иркутск встречал Михаила Сперанского

ПАМЯТНАЯ ДАТА, связанная историей Сибири и Иркутска, выпадает на эти дни. 190 лет назад, 29 августа 1819 года, в Иркутск прибыл Михаил Михайлович Сперанский – новый генерал-губернатор Сибири. Ему было суждено открыть новую страницу сибирской истории, проведя назревшие реформы, коснувшиеся самых разных сторон жизни сибиряков – от государственного устройства и самоорганизации коренного населения до пресечения издоминирования чиновников и проведения первых выборов.

Иркутяне бережно чтят память о выдающемся государственном деятеле России. Его имя не так давно было присвоено Иркутскому областному государственному научно-исследовательскому институту за-

конодательства и правовой информации. Нам же памятная дата дала повод еще раз обратиться к «Хронологическому перечню важнейших данных по истории Сибири», составленному иркутским краеведом Иваном Васильевичем Щегловым. В своей сибирской энциклопедии, изданной в Иркутске в 1883 году, наш земляк, конечно же, не мог оставить без внимания такое важнейшее событие, как приезд в Иркутск Михаила Сперанского. При этом заметки полутораугольной давности сопровождаются весьма любопытными подробностями, представляющими интерес и сегодняшнему читателю. Приводим их без какого-либо редакционного вмешательства, сохранив полностью авторский стиль, орфографию и пунктуацию первоисточника.

Михаил Михайлович Сперанский

1819 ГОД, 22 МАРТА. Сибирским генерал-губернатором назначен вместо Пестеля тайный советник Михаил Михайлович Сперанский. Причины к такому выдающемуся назначению заключались в массе злоупотреблений за время губернаторства Пестеля, ближайшим же поводом к этому послужило замечательное мнение министра внутренних дел О. Козодавлева, внесенное им в кабинет министров 24 октября 1818 года. Сибирские злоупотребления были описаны яркими красками. Козодавлев писал, что «при первом открытии беспорядков в Сибири, приписываемых были они слишком ограниченной власти начальников, и потому усиливается она постепенно и всегда, как новые и сильнейшие беспорядки открывались». Но с этим усилием власти видимо умножались беспорядки и жалобы на притеснения. Главной причиной беспорядков он считал самовластие начальства, и несколько раз повторял эту мысль. Чтобы ограничить это самовластие, министр признавал необходимым учредить верховное Сибирское правительством из чиновников, частью определенных от правительства, частью избираемых от жителей разных сословий; генерал-губернатору же предоставлять только право председателя, имеющего перевес при равенстве голосов; учредить губернские советы из

выборных лиц; усилить власть магистратов и городских правлений, но прежде и важней всего – сменить Пестеля, исследовать его действия и послать в Сибирь нового генерал-губернатора. Выбор Александра I пал на Сперанского, который тогда был губернатором в Пензе. Назначение это было принято сибирским населением в высшей степени сочувственно; с этого времени начали считать Сибирь вступившей в новую эпоху...

«Бысть человек послан свыше»

«В Сибирской истории только два периода, – говорил С. С. Уваров, – от Ермака до Пестеля, от Сперанского до XX века». По выражению барона Корфа, Сперанский, «и по действиям, и по времени стоит здесь поворотным столбом». Сибирский историк Словцов восторженно восклицает: «Бысть человек послан свыше, и имя его останется незабвенным в летописях всей Сибири». Вагин начинает свой труд о Сперанском словами: «С двадцать второго марта 1819 года начинается новая эпоха в сибирской истории». И далее говорит: «Даже сам Сперанский считал себя посланником Провидения, видя всю громадность зла, которое ему надлежало исправить. Ни прежде, ни после Сперанского, в Сибири не было ничего ему подобного. Имя Михаилу Михайловичу окружено было для Сибирских его современников чудным обаянием».

Но не так, разумеется, смотрели на это представители местной администрации того времени: назначение Сперанского было громовым ударом для Пестеля и его клевретов. Они совсем растерялись. Пестель написал Сперанскому письмо, в котором благодарил Бога, что судьба его и его приближенных зависит от Сперанского. Чиновничья клика в Иркутске пришла в страшное уныние. Трексив в промежуток времени между увольнением Пестеля и приездом в Иркутск Сперанского

«постарел 20-ю годами». Правитель дел Белявский сошел с ума – вскоре по получении известия о назначении Сперанского, и затем вскоре же умер. Но не один Белявский, – сходили с ума и другие. «Время, проведенное в ожидании Сперанского, принадлежит к числу самых тревожных дней в жизни Иркутска», – говорит Вагин.

Приезд Сперанского в Иркутск совершился 29 августа. Перед этим на пути он проводил ревизию в разных городах Сибири, в то же время принимая жалобы населения на беззакония местной администрации. Первым делом по приезде его в Тобольск было уверить жителей в том, что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что их можно приносить. Во все время проезда в Сибирь Сперанский старался сблизиться с местным населением, часто идя пешком за экипажем и расспрашивая крестьян.

«Дела хуже ещё слухов»

Жалобы к нему шли со всех сторон; ими он был буквально завален, особенно же по приезде в Иркутск. Здесь число их достигало до 300 в день, так что в скором времени в Иркутском казначействе вся гербовая бумага оказалась распроданной и стали делать надписки на простой, употребленной вместо гербовой. Вместе с тем крестьянам были разрешены словесные жалобы, и тут двор Иркутской следственной комиссии оказался мал, чтобы вместить в себе всех просителей. Недаром же Сперанский писал в одном из своих писем: «Чем далее я спускаюсь на дно Сибири, тем больше нахожу зла, и зла почти нестерпимого: слухи ничего не увеличивали и дела хуже ещё слухов».

В другом своем письме Сперанский писал: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было бы и сделать, то здесь (т.е. в Томске, откуда писалось письмо) оставалось бы уже всех повесить». Эти последние слова были писаны

Иркутск в XIX веке

ны им, когда он еще не видел Иркутской губернии, которая собственно и была настоящим гнездом злоупотреблений, что и дало себя почувствовать уже на границах Иркутского уезда: здесь жалобы вдруг смолкли – «таков был ужас перед местными властями». Предания местные это объясняют тем, что исправник Лоскутов перед приездом Сперанского отобрал в своем уезде все чернила и бумагу. Сам Сперанский писал о нём Столыпину: «Страх его десятилетнего железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе принести жалобу, как вытекая тайно на дороге из лесов». Корф прибавляет: «Когда Сперанский приказал арестовать Лоскутова, то вышедшие при этом крестьяне упали на колени и, хватая за руки Сперанского, воскликнули: «Батюшка! Да ведь это ж Лоскутов!». При описании иркутского управления, у него было найдено 138 243 руб. Кроме разных вещей, серебра, мехов, кото-

рым оценка не сделана. Сведения об этом есть в записках Вагина о Сперанском и в труде Ядринцева «Сибирь как колония».

От ревизии – к развитию

Что ещё следует добавить к лаконичным заметкам Ивана Васильевича Щеглова, сохранившим для нас любопытные детали первых месяцев пребывания Михаила Сперанского в Сибири и в Иркутске. Обратимся к другим историческим фактам.

Кабинет министров, приняв решение о смещении Пестеля, засвидетельствовал, что «пока в Сибири генерал-губернатор не будет находиться лично, до тех пор и ожидать нельзя, чтобы тамошнее управление могло быть в порядке». Михаилу Сперанскому, приведенному к руководству сибирским краем, было поручено произвести ревизию и об «открышемся доложить

государю». Ревизия Сперанского подтвердила печальную картину – издоминирование пустило глубокие корни по всей громадной территории Сибири. В результате ревизии двое губернаторов и 48 чиновников высокого уровня были отданы под суд. Около семисот должностных лиц были уличены в различных злоупотреблениях. По ходу ревизии в местных администрациях в государственную казну было взыскано почти три миллиона рублей. Сумма, по тем временам, поистине огромная. Ревизия Сперанского и привела к тому, что царским указом был создан Сибирский комитет и принят известный указ «Об управлении инородцев» 1822 года. Именно этот указ и дал толчок созданию с использованием элементов выборов родовых управлений, инородческих управ и степных дум у коренных народов Сибири.

Историческую хронику перелистал Борис Краинский

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ (1772–1839), русский государственный деятель и политический мыслитель. Родился 1 (12) января 1772 в селе Черкутино Владимирской губернии, в семье священника. Окончил Петербургскую духовную академию. С 1797 – на службе в государственных учреждениях: директор департамента Министерства внутренних дел (1803–1807); статс-секретарь Александра I (с 1807); государственного секретаря (с 1810); с 1819 – генерал-губернатор Сибири; с 1838 – председатель департамента законов Государственного совета. С 1826 под руководством Сперанского

проводилась кодификация законов, итогом которой стало многотомное Полное собрание законов Российской империи (1830).

В своей деятельности Сперанский ориентировался на идеи европейского Просвещения. Сохранение и упорочение монархической государственности, по его убеждению, требовало определенных правовых реформ: введения принципа разделения властей, конституции («правление доселе самодержавное постановить и учредить на непеременяемом законе»), гражданского общества. Сперанский считал, что эти политические меры будут способствовать возникновению в России «правильной монархии», исключаяющей любую форму деспотизма.

«Думаю, что Господь даст мне силы перенести и сие огорчение»

НАЗНАЧЕНИЕ генерал-губернатором Сибири стало для Михаила Сперанского громом среди ясного неба. Пензенская губерния, где он был губернатором в то время, обустроенная, относительно процветающая, с компактным населением, не шла ни в какое сравнение с Сибирью – плохой изученной в это время гигантской малонаселенной территорией площадью в 10 миллионов квадратных километров, обычным местом вечной политической ссылки и ужометом для любого обитателя европейской части страны. «Думаю, однако же, что Господь даст мне силы перенести и сие огорчение, по всей вероятности, последнее», – писал Сперанский дочери. 6 мая 1819 года он выезжает в «путешествие» протяженностью 20 тысяч верст.

Предшественник Сперанского, генерал-губернатор Иркутский, Тобольский и Томский, тайный советник Иван Борисович Пестель «управлял» Сибирью из столицы, посадив на места преданных ему чиновников, и обходился с вверенной ему областью так, что император вынужден был направить двух сенаторов с инспекцией. Ее итоги и побудили царя направить Сперанского, чтобы навести порядок там, где процветало беззаконие, произвол, бои, жестокое преследование жалобщиков и челобитчиков.

«Новая метла» прошла по Сибири, обнаруживая громадные горы мусора. В Тобольске генерал-губернатор уволил 9 комиссаров

за злоупотребления и навел относительный порядок в чрезвычайно запущенном губернском делопроизводстве. Он проводит ревизию школ и училищ, посещает острог в Омске; расследует должностные преступления губернаторов Томска и Иркутска, снимает с постов трех комиссаров в Красноярске, причем обязывает всех возместить незаконно взысканные деньги.

Помимо следственной и фискальной работы, Сперанский занимается множеством важнейших дел: хлебными запасами, винокурением, путями сообщения, расселением сыльных, соляных промыслами, переселением из европейской части казенных крестьян, замирением инородцев, пропагандой среди них хрис-

тианства, строительством, устройством казачьих команд, государственными и частными заводами, сбором податей, обменом ассигнаций, народным образованием, организацией китобойного промысла, экспедиций к Ледовитому океану и на Камчатку, народным образованием, руководством дипломатической миссией в Пекине, делами Российско-Американской компании и т.д. Теперь он пишет дочери уже так: «Здесь-то настоящая Сибирь и здесь-то наконец чувствую, что Провидение, всегда правосудное, не без причины меня сюда послало. Я был здесь Емь действительно нужен, чтоб уменьшить страдания, чтоб оживить надежды, почти уже исчезавшие, и ободрить терпение, слишком утомленное».

Великая Сибирская реформа, проведенная Сперанским совместно с капитаном корпуса путей сообщения Г.С. Батеньковым, принятым в аппарат генерал-губернатора в Тобольске, вылилась в ряд законодательных актов, среди которых первейшее значение имели: «Учреждение для управления Сибирской губернией» и «Устав об управлении инородцев».

По «Учреждению», с учетом географо-экономических данных, Сибирь была разделена на Западносибирское и Восточносибирское генерал-губернаторства, с центрами соответственно в Тобольске и Иркутске. Генерал-губернатор был наделен определенной властью во всех областях жизни – экономической, административной, судебной. Чтобы ограничить злоупотребления личной властью, при генерал-губернаторе создавались советы, состоящие из назначенных царем сибирских чиновников.

При гражданских губерниях, возглавляющих местную администрацию, также составлялись совещательные советы из чиновников, подчиненных начальнику губернии. Сперанскому не удалось реализовать одну из главных целей реформы – поставить генерал-губернатора и губернаторов под контроль независимых от них советов, чтобы оградить население от произвола властей. Он говорил по этому поводу: «Правильнее было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но, во-первых, составить его из дворянства или купечества невозможно,

потому что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества, во-вторых, составили совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях». Сперанский надеялся, что в будущем, когда Сибирь густо заселится, её богатства придут в движение, этот дефект реформы будет исправлен.

Существенную часть сибирской реформы составлял «Устав об управлении инородцев Сибири». Он давал абorigенам широкое самоуправление, учитывая их уклады, традиции и обычное право. В зависимости от уровня развития народности делились на бродячие, кочевые и оседлые. Последние приравнивались в правах и административном устройстве с русскими крестьянами. Система управления бродячих и кочевых включала три звена: родовое управление (голова, два выборных его помощника и по возможности писмоводитель), инородную управу (хозяйственно-административное, судебное и полицейское управление) и степную думу. За «родовичами» утверждалось право об-

щих собраний, на которых избирались должностные лица родового и степенного управления. Общество и его выборные должные были сами решать все вопросы своей внутренней жизни, раскладывая подати и повинности, выполнять судебные функции на основании своего обычного права. Это ограничивало вмешательство русской администрации в жизнь коренного населения, хотя и увеличило его зависимость от местных князюк и старшин. В отношении религии «Устав» стоял на позициях полной веротерпимости. Предполагалось, что каждый народ получит свой «Степной закон», что было оговорено в Уставе; в Енисейской губернии был подготовлен проект закона для Красноярского края, с некоторыми дополнениями его приняла и в Иркутской губернии. Но в Петербурге эти проекты не получили одобрения. Реформы Сперанского в Сибири преследовали две цели: постепенный перевод кочевых и «бродячих» народов в оседлые и обеспечение полного и своевременного налогового сбора.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА

«Михаил Михайлович! Более трех лет прошло с того времени, как призвав Вас к новому служению, поверил я Вам управление Пензенскую Губернию. Открыв таким образом дарованиям Вашим новый путь соделаться полезным отечеству, не престава я помышлять о способе, могущем изгладить из обихих понятий прискорбные происшества, последовавшие с Вами в 1812-м году, и столь тягостные моему сердцу, привыкшему в Вас видеть одного из приближенных себе. Сей способ, по моему мнению, был единственно, то есть, служением Вашим дать Вам возможность доказать явлено, сколь враги Ваши несправедливо оклеветали Вас. Иначе призыв Ваш в Петербург походил бы единственно на последствие дворских изменений и не заглядил бы в умы оставшиеся неприятные впечатления.

Управление Ваше Пензенскую губернию и общее доверие, кое Вы в оной приобрели, будет полезным началом предлагаемого мною способа. Но желание мое стремится к тому, дабы открыть служению Вашему обширнейшее поприще, и заслугами Вашими дать мне явную причину приблизить Вас к себе.

Ныне предстоит для исполнения сего наилучшая удобность.

С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края. Разные жалобы присланы ко мне на Губернские начальства и на повторное покровительство, оказываемое оным самим Генерал-Губернатором. Быв рассмотрены в Комитете министров, они показались столь важны, что предложена мне оным посылка сенаторов для обревизования Сибирских губерний.

Имею уже неоднократно опыт, сколь мало подобные ревизии достигают своей цели; колкими паче нельзя ожидать лучшего успеха в столь отдаленном и обширном крае. По сему нашел я полезнейшим, облечь Вас в звание Генерал-Губернатора, препоручить Вам сделать осмотр Сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления в виде Начальника и со всеми правами и властью, присвоенных званию Генерала-Губернатора.

Исправя сею властью все то, что будет в возможности, облечь лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие Ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и, сделав оному начертание на бумаге по окончании занятий Ваших, самим лично привезти оное ко мне в Петербург, дабы имел я способ узнать изустно от Вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние.

По моему исчислению возлагаемое на Вас препоручение может продлиться года полтора или по большей мере два. Сего времени я полагаю достаточным вникнуть Вам во все подробности сибирских дел и сообразить с точностию лучший порядок ко введению в сии отдаленные губернии.

Таким образом, я надеюсь, что устройством сего Генерал-Губернаторства, Вами заведенное и которое в начертании Вы мне представите по приезде Вашем в Петербург, поставит меня в возможность назначить Вам преемника с уверенностью о продолжении благосостояния Сибири. Вам же предоставляю я себе дать тогда другое занятие, более сходное тому приближению, в коем я привык с Вами находиться. Пробываю же всегда Вам доброжелательным Александр. Царское село. Марта 22-го 1819-го года».